

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА —

ВЕСНОЙ, мокрой и нудной. куда больше похожей на осень, отдыхающие выползли из своих прозябших, тоскующих летних домиков и шли в кино, в клуб «4 филаала». Серый и строгий, он стоял среди этих карточных домиков, как Гулливер среди лиллипутов, и возносил отдыхающих на верхотуру последнего этажа: прямо над столовой, где под пластмассовыми колпаками чахли вчерашний хлеб и позавчерашние булочки, тускло светился и скрипел старыми креслами зал клуба.

...Он вытер ноги о половик у двери и достал из портфеля сначала две гвоздички в целлофане, а потом бутылку шампанского. «Полусухое!» — значительно произнес и поинтересовался глазами гвоздь, куда бы повесить головной убор.

В следующий раз, когда «лист уже облетел», он твердо знал, куда повесить прорезиненный плащ — очень практичную вещь (такие идут со скидкой во все сезоны). «Нет!» — решительно отклонил второй фужер с «полусухим». И вдруг зашел: «Небо, небо, небо, небо!»

— Играешь? — спросил у мальчишки. — Научись, полезная штука, на вечера станут приглашать... Ну, я пойду. Телевизор дома включу, постановку посмотрю.

А по телевизору в тот вечер показывали интересную передачу «Театральные встречи». И там среди актеров скромно, где-то на втором плане сидел все тот же Станислав Любшин — только не узнать его было после этого кино про некоего счетовода Владимира Николаевича и про то, как однажды решил он повернуть жизнь свою на правильную стезю и жениться на хорошей, одинокой женщине Груше, которую мужьяница бросил с ребенком на руках (между нами-то говоря, сам Владимир Николаевич тоже раньше основательно «закладывал за воротник», а дело, сами понимаете, с цифрами ему приходилось иметь).

И хотя и впрямь «живой Любшин» сам был сейчас на экране телевизора, разговаривал, шутил, отвечал на положенные вопросы, но только вид у него был совсем не праздничный и не звездный. Подумалось: как все-таки решился он явиться зрителю таким скучным «дятлом»? Когда (сама слышала у выхода из кинозала «4 филаала») зрители горячо спорили и о женском одиночестве, и о насущной алкогольной проблеме, и Федосееву с Ульяновым хвалили. Не нашлось только сторонников у «этого счетовода». Подозреваю, что Любшина (того, что сыграл когда-то героя «Щита и меча») и мгновенно обрел всемирную популярность, предвосхищая феномен Тихонова — Штирлица), этого Любшина мало кто вообще узнал. Правда, в начале фильма «Позови меня в даль светлую» крупными буквами было написано и кто исполнитель, и кто режиссер (тот же Любшин совместно с Г. Лавровым), но ведь известно, что на титры эти, пока рассаживаются да креслами хлопают, мало кто внимания обращает.

— Ну до чего же противный этот мужик! — так коротко и четко подвела итоги одна зрительница.

И вспомнились здесь слова Василия Шукшина, сказанные однажды в беседе с автором этих строк (он тогда начинал снимать «Печки-ласточку» и только, видимо, зарождалась его дружба с Любшиным). Слова эти никакого, казалось бы, тогда к актеру и отношения-то не имели, а потом, время спустя, высветились каким-то особым светом:

«...Но вот еще одно соображение, пожалуй, тоже не лишнее риска: не очень ли много в последнее время появилось у нас актеров обаятельных? Только поймите правильно. Обаяние человеческое ни у кого не вызывает протеста, у меня тоже. Но не стали ли мы сдавать правдивые позиции в искусстве? Не обесцениваем ли мы тем самым того же актера, саму его профессию?»

— Что же напугало в таком актере?

— Да вот обаяние и напугало. Обаяние снимает сразу

люди искусства

...И БЕРЕГ ДАЛЬНИЙ

В. ИВАНОВА

много проблем и потому опасно. Разговор со зрителем в результате выходит облегченный. Пугает та стена, которая сразу в этом случае образуется между актером, демонстрирующим свое обаяние, и зрителем. Зритель перестает верить в происходящее и сидит, наблюдает не свою жизнь, не ту, какую он знает, а некую другую, где живут чрезвычайно красивые, обаятельные люди, и живут они легко и красиво...

Не убеждена, знал ли Любшин эти слова, но, видно, сам на себе, на своем собственном актерском опыте почувствовал, какая это серьезная опасность — «засидеться в обаятельных». И — ушел.

...Я хочу напомнить зрителю только одну сцену из фильма «Щит и меч» — ту, которую сама помню до сих пор (а ведь сколько подобных историй, сколько Беловых, больших и малых, прошло за это время перед нами на кино- и телеэкране!). Это финальная сцена, когда Белов в советском госпитале под Берлином очнулся наконец от кошмара многолетнего существования «по ту сторону». Он видит белые халаты, белые стены, белые кровати, он еще не может понять: чей это белый цвет? Быть может, опять того, чужого мира, и он, Белов, снова среди тех, кто убивал, жег, топтал? Быть может, война, эта нестерпимо долгая война, еще тянется, ползет по земле и нет у нее конца?

Медленно выходит он из палаты — никто его не останавливает. Медленно вступает в его сознание русская речь вокруг, вежливая, приглушенная госпитальная сутолока; что-то вокруг такое привычное, до боли знакомое. И вдруг опустело, ослабились пути, он глубоко вдохнул этот чужой воздух, который сотнями примет звенел вокруг уже как свой, родной. Вдохнул — и побрел прочь. По траве, по дороге, среди искореженного железа, среди неостывших пожарных бычьих войн...

Сейчас, перечитав список ролей Любшина, подумаешь, что он не так уж обширен. Славка в «Мне двадцать лет», герои Василия Быкова в «Третьей ракете» и «Алпийской балладе», геолог в маленьком фильме-новелле «Ожидание», Самсон в

«Монологе», Кушля в «Сентиментальном романе», шофер-горлопан в «Ксении, любимой жене Федора»... И совсем недавно — удивительный эпизод в «Степи».

Но даже покоряющее свое обаяние Любшин сумел повернуть «против себя», набросав всего в двух-трех сценах убийственный эскиз современного потребителя — нет, не вещей даже, но душ человеческих — в «Слове для защиты» в роли некоего Федяева.

А еще был Мисаил, «Маленькая польза», в чеховской «Моей жизни»: так в детстве прозвали этого человека, который ушел из невыносимо респектабельного и чинного отцовского дома, где детей бьют, а они должны стоять руки по швам, — ушел бродить с церковными мальчиками, потом на чужую... Стал проклятием и позором дома, даже скоропалительный и странный брак, который мог бы стать «удачным», не поправил дела. «Маленькая польза», то, что говорится, неудачник от рождения, он не хотел «поправлять дела», он хотел бы поправить саму жизнь, но не умел к этому руки приложить.

Но однажды вернулся. Стоял на чужом пороге чужого дома, худой, изможденный, трепанный жизнью.

— Я пришел вам сказать: сестра очень больна. Она скоро умрет, — на этом самом месте я умолял вас понять меня, вдуматься, вместе решить, как и для чего нам жить, а вы в ответ говорили о предках, о дедушке, который писал стихи... Я еще люблю вас, мне невыразимо жаль, что мы так далеки друг от друга. Эти ваши дома — проклятые гнезда, в которых сживают со света матерей, дочерей, мучают детей...

Любшин говорил эти слова с комком в горле — и, странно, какая-то жалкая улыбка, как гримаса боли, словно забытая, нестертая, застыла на лице...

Улыбка Любшина — ох, как она редко радостна! Что угодно — раздумчива, иронична, скептически. И прежде всего к самому себе, к своему герою. Ну, скажем, к следователю Шаманову, которому с утра требуется поехать в Табарсук расследовать дело о хищении в винной лавке.

...Какая скука в этих тихих и душевных провинциаль-

ных вечерах, когда слышно, как жужжат пчелы в палисадниках, надсадно тарыхтит где-то единственный на деревне мотоцикл, перебрасываются репликами через открытые окна, и сколько бы ни таил в душе самого мучительного и острого, все равно от этих открытых окон никуда не деться!

И вдруг вдарит где-то в близкой дали знакомый «музыкальный оркестр»: это в ДК врубили танцы. И первые же такты знакомы тебе до звона в ушах. Ты даже вроде бы и ждешь их каждый вечер, как приступа застарелой зубной боли, — и в нем есть своя привычка. А все-таки, когда «вдарит» — вздрагиваешь: ну вот, опять! Значит, все на месте и ничего не изменилось, и вечер опять пришел. Еще один. Такой же, как сотни тех, что были, и тех, что будут. И надо его прожить, пройти «сквозь окна» и духоту. А что если завтра все-таки наступит, придет наконец-то какое-то решение — то самое, что зрело так неторопливо и долго, медленно плавило в этом самом жужжающем пчел? И он, прожив несколько месяцев в зачуханном, забытом богом и людьми городишке по имени Чулимск, стряхнет с себя все — и ноющий «музыкальный оркестр», и щетину заборов и заборчиков, и суету вечно открытых окон. И это километровое ожидание.

Вот так случилось однажды прошлым летом в Чулимске.

«Слушай! Это было недавно. Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди — мои собственные руки, — и вдруг ты слышишь? — они показались мне чужими. Все будто бы принадлежало другому человеку!.. Как я жил, дальше так жить было нельзя. Удивительный сегодня день! Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, трава, деревья, запахи — мне кажется, я не слышал их с самого детства...»

Любшин произносит этот очень трудный, исповедальный монолог на одной, обычной у него, немножко остраченной, глуховатой интонации. Он только что донес эти слова до других — думал целый день, шел, продирался сквозь чащобы собственной мысли и говорит как бы про себя, только вслух.

Не знаю, быть может, «Прошлым летом в Чулимске» и не самый лучший из наших вампиловских спектаклей, но убеждена: Любшин в нем — истинный вампиловский герой. Не случайно специально для этой роли он неужданно для всех вдруг вернулся на сцену (речь идет о спектакле Театра им. Ермоловой). До этого, в самом начале своей творческой биографии, он работал в Театре на Таганке, в «Современнике», где, кстати, играл Славку в спектакле «Пять вечеров». Потом вдруг пришел на радио и именно там сначала поставил «Позови меня в даль светлую», впервые попробовав себя в режиссуре. Этих «вдруг» в биографии Любшина, кажется, более чем достаточно, путь его отнюдь не представляется гладким, но, по-видимому, он не боится ни резких зигзагов, ни опасных поворотов в своей судьбе, отстаивая то, что хотел бы сделать в искусстве.

...Здесь рассказано всего лишь о трех «провинциях» — шукшинской, чеховской, вампиловской, как бы о трех ступеньках, потому что не так-то легко выделить «метрополию» (то, что критики любят именовать «доминантой») в творчестве такого актера, как Любшин. Быть может, у него и вообще еще не было такой единственной роли, где он выразился бы предельно и полно, как художник, как человек. Скоро на экраны выйдет фильм «Пять вечеров». Но даже и эта сложнейшая работа, думается, не исчерпала Любшина. Вот это-то и любопытно.

...Бежав от «обаяния», он открыл для себя бесконечность человеческого разнообразия. «Другую жизнь и берег дальний».

Заслуженный артист РСФСР С. Любшин. Фото Н. Гнисюка.